

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 35 (4160)

Вторник, 22 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Строительство Дворца Радио

На заводе «Рено»

Сегодня мы печатаем несколько фотографий с выставки «Живой Париж», которая недавно экспонировалась в Москве, а теперь демонстрируется в Киеве.

ФРАНЦИЯ В ОЖИДАНИИ

МОЖНО с полнотой уверенности сказать, что никогда еще во Франции не придавали такого огромного значения визиту главы иностранного правительства. Никогда еще подобный визит не волновал так сильно всю страну — от Марселя до Лилля и от Бордо до Дижона.

Андре СТИЛЬ,
французский писатель

Французский народ ясно сознает угрозу, которую несет с собой германский реванизм. Политика генерала де Голля в германском вопросе характеризуется, с одной стороны, стремлением к тесному союзу с Адекауаром, с другой стороны, — признанием необходимости границ по Одеру и Нейсе. В этой политике заключено противоречие, которое французы желали бы видеть разрешенным в интересах Франции, в интересах мира и безопасности Европы. Недавно объявлено о предстоящем пенинании в Сахаре второй атомной бомбы. Эта весть тревожит французов, побуждает стремиться к скорейшему разрешению проблемы разоружения. Позиция направленного Никитой Сергеевичем Хрущевым участникам женевских переговоров по разоружению в дни, когда Франция ожидает его приезда, привнесло особенно сильное впечатление на французскую общественность. Это — очередное свидетельство доброй воли Советского Союза и его стремления урегулировать насущнейшую проблему.

Надо надеяться, что переговоры между руководителями Советского Союза и Франции будут иметь конкретные результаты, в частности, приведут к укреплению франко-советских отношений, и прежде всего в области экономики и культуры.

Встреча Хрущева с французским народом может лишь способствовать договорности. Хрущева ждут на западе, на рудниках, в селах, и никто не сумеет лишить французскую радость этой встречи. «Слепая» пропаганда, которую распространяет «Фигаро», имеет весьма незначительные последствия. Огромная ликующая и дружелюбная толпа. Простые французы, те, кто терпит лишения и борется за лучшую жизнь, хорошо понимают чаяния своих русских друзей. Миллионы простых и добрых французских солдат и рабочих мира и счастья, носителей которых он является. У аэродромов, на всех линиях, вдоль всех дорог, по которым поедет наш гость, — всюду он увидит открытые, доброжелательные лица!

ПАРИЖ, 21 марта. (По телефону)

Пьер ДЮРАН

«Двадцать девятого октября ярость шторма доходит до предела. Волны неистовствуют, обдавая брызгами весь корабль. Спустился шлюпок в море неизвестно куда. Минутами затонула бы. Какая страшная ночь! Что перо сумеет описать весь этот ужас!»

Сколько подобных описаний кораблекрушений мы читали у Жюль Верна! Нет во Франции мальчика, который не представлял бы себе воочию эти величественные морские бури, беспомощное суденышко, мучащееся на волнах превращающееся в игрушку неукротимой стихии, сломанную корабельную мачту опустевшую палубу...

Нет такого французского мальчика, который бы не знал картины Мерно «Плот Медауз»: доведенные до отчаяния люди подают друг друга. В нашем сознании ужас морской бури ассоциируется с образами обезумевших людей, демагогов ставших во власть безжалостных, неодолимых сил природы. И вот теперь благодаря телевидению мы стали свидетелями того как в Соединенных Штатах прибыли советские моряки, спасшие команду американского авианосца. Эти герои 49 дней провели в открытом океане

Подвиг, рожденный великим временем

Владимир КИСЕЛЕВ

ДНЕВНИК ли это? Альбомы, распухшие от наклеенных на странички фотографий, вырезок, записок. Я собирал их долгие годы и о каждой мог бы многое рассказать.

Левой рукой солдат удерживает каску и жадно пьет из нее воду, а правой отталкивает своего товарища — такого же солдата, который борется с ним за эту каску, за глоток воды. Скульптур с необыкновенным мастерством и точностью изобразил руку, которая с отчаянием тянется к каске. Ее не забудешь, эту руку. И не забудешь всей этой скульптуры, динамичной и страстной, где сильный побеждает слабого. И понимаешь, что он, этот сильный, выживет. А слабый — погибнет.

Это скульптура известного художника Людвиг Кауэра. Фотография ее взята из какого-то довоенного немецкого издания, рассказывающего о музее Берлина.

Я открываю новый альбом. Он начинается вырезкой из газеты, сообщающей о замечательном подвиге Асхата Зиганшина, Филиппа Попова, Анатолия Крючковского и Ивана Федотова.

«...Когда начинался пренная вода, каждый получал по полкружки в день. И ни один не сделал лишнего глотка. Лишь когда мы отменяли день рождения Анатолия Крючковского, мы предложили ему двойную порцию воды, но он отказался». Как бы мне хотелось, чтобы скорее наступил день, когда я помещу в свой альбом фотографию со скульптуры или с картины, которая с такой же или с еще большей силой, чем эти газетные сообщения, расскажет о прекрасном и человеческом отношении, расскажет о подвиге четырех молодых советских солдат. С этим нужно спешить. Этого нельзя откладывать. Это одна из очень важных задач деятелей всех видов нашего искусства — как можно полнее и глубже изобразить великий характер. А для этого необходимо самое высокое, самое совершенное мастерство и самое точное знание, ибо мы никогда забываем о том, как с изменением моральных критериев у нас изменялись и критерии эстетические.

«...Слова снимок. Витя Шевченко — мальчишка лет четырех. Я сам его сфотографировал после того, как стал свидетелем разговора, который привожу ниже. Витя гулял с бабушкой. Мимо шли две девушки.

— Посмотри, — сказала одна из них, — какой красивый мальчик.

— Да, — отвечала другая. — Он и в самом деле очень похож на Ленина, когда он был маленьким.

Моральное обаяние образа гениального создателя первого в мире социалистического государства так велико, что для советского человека ребенок, чем-то напоминающий маленького Ленина, — самый красивый ребенок.

Когда мы оцениваем подвиги наших людей, когда мы думаем о характере советского человека, — перед нами встают образы величайшего из людей, В. И. Ленина, и образы девиц, которые в своих действиях всегда следовали за Лениным, которые в решительные минуты жизни думали о том, как бы в этом случае поступил Ленин, и поступали так же.

Самыми лучшими девицами были и герои гражданской войны, и герои строек

БУДУТ ТАКИЕ КНИГИ!

ЭТО село расползлось по долине среди лесов, на стыке Татарии и Куйбышевской области. Скорый поезд стоит тут считанные минуты. Но когда проводник объявляет: «Шентала!.. Зиганшин!» — пассажиры дружно высыпают на заснеженный перрончик, всматриваются в окружающий пейзаж.

В Шенталинском районе ВЛКСМ хранится заявление, которое написал Асхат Зиганшин, когда вступал в комсомол. Это было семь лет назад, и Асхат учился тогда в седьмом классе. Из листка из тетради старательно выведено: «...Я обещаю быть дисциплинированным, достойным гражданином Советского Союза».

Директор шенталинской средней школы Борис Николаевич Кафидов рассказывает, что учился Асхат всегда хорошо, но меньше всего походил на папашину или зурбулю. Любил гармошку и был неутомимым лыжником, велосипедистом. На школьных конкурсах отличился, как лучший, его рисунки.

Вот маленький, но очень характерный эпизод, в котором, если учитывать тогдашний возраст Зиганшина, как бы скрыто «зрнышко» подвига.

Однажды зимой старшеклассники во главе с директором школы — лыжником-первокурсником Б. Кафидовым отправились в трудный агитпоход. Под конец стало туго с продуктами. Оказалось, что некоторые ребята съели свои запасы в первые же дни. Асхат был в числе тех ребят, кто четко соблюдал режим и не прикасался ни к одному лишнему кусочку. И он с готовностью отдал в общий котел содержимое своего рюкзака.

Отец Асхата Рахимзян Зиганшевич работает конюхом пункта «Заготзерно». Семья была большая, трудовая, и Асхату частенько уже во время учебы на тракториста приходилось и мыть в доме полы, и подрабатывать грузчиком на железной дороге. Он был од-

ним из лучших трактористов колхоза. Что его воспитывало Асхата Зиганшина, формировало его характер? Примеры самой жизни.

Шенталинский район, где живут татары, башкиры, чувашки, русские, дал стране 11 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда.

Зиганшин оказался достойным своих земляков и тогда, когда пошел служить в армию.

С волнением читаем мы письма молодого командира экипажа «Т-36» своего родного, школьной подруге Вале Плехановой: «...Завтра выхожу в Тихий океан. Нас четыре человека. Ничего, кроме бурлившей воды, а на подует сильный ветер и начнет штормить, наше суденышко бросает по волнам. Но ничего, приходится держаться, раз уж завладел морями!»

А вот строчки последнего письма, написанного за восемь дней до трагического происшествия: «...Вот так и бывает, нагрянет ветерок метров 45—50 в секунду, подует с утра — двое, и опять тихо...»

...День и ночь неутомимо отстуживает морянку шенталинский телеграф. Он приносит все новые поздравления с разных концов страны.

Огромен интерес, который проявляют к подвигу славной четверки все советские люди, стар и млад. Библиотекарь одной из школ рассказывает, что ее сейчас без конца осаждают ребята: «А книжки про них есть? Будут такие книги, дорогие ребята! Обязательно будут!»

Ю. ОКЛЯНСКИЙ
(Наш корресп.)

Мечты Анатолия Крючковского

Анна Федоровна Крючковская — мать Анатолия — счастлива и немного устала. Это, конечно, неслучайно — неожиданно стать матерью героя. Почтальон приносит пакеты телеграмм, и каждый раз — полную сумку писем.

А что творится в поселке Турбове! Никогда не бывало здесь одновременно такого количества гостей.

Уже был митинг на сахарном заводе, где работал до армии Анатолий. Был митинг и в свекловодческом совхозе, где 18 лет проработала зеньверой Анна Федоровна Крючковская.

Вот сбор пионерской дружины в школе, где учился Анатолий. Но вот уже несколько дней не прерывается своеобразный митинг в доме № 25 по улице Чернышевского, где живет Анна Федоровна.

«Хата у нас теперь открыта почти круглые сутки», — говорит хозяйка... — Вы знаете, — продолжает Анна Федоровна, — я получаю письма, в которых меня благодарят за то, что воспитала такого сына, как Анатолий. Так это разве я одна его воспитывала? Его Советская власть воспитала таким. И я повторяю опять: спасибо всем добрым людям! Спасибо партии, дорогому Никите Сергеевичу и за сына, и за меня!

Когда человек совершает подвиг, всегда хочется узнать, откуда у героя появилось изумительное мужество. Как он жил раньше? Обывательно... Рос в трудовой семье, учился в школе, занимался спортом. После семилетки поступил на сахарный завод.

Все это вспоминают сейчас земляки Анатолия, его учителя, товарищи по работе, друзья по школе. И вот — самая последняя новость. Вчера преподавательница украинской литературы и языка Виктория Яковлевна Лапина случайно нашла среди старых тетрадей школьное сочинение Анатолия. Учительница вспоминает, что весной 1954 года перед экзаменами она предложила семикласснику сочинение на тему «Кем я хочу быть». Вот что написал тогда Анатолий Крючковский:

«Море... Я люблю тебя, море! По твоим волнистым просторам беспрерывно ходят корабли. Ты чаруешь меня своей красотой. Как мечтаю я совершить путешествие по твоим бескрайним просторам! А как хочу я совершить подвиг, чтобы прославить свою Родину мужеством советских людей. Это и есть моя заветная мечта — стать моряком. И мысль у меня одна: вот закончу школу — и в мореходное училище. Я знаю, что путь себе я уже избрала...»

А что вы поставили тогда Крючковскому, не помните?

— Помню, как же, — отвечает учительница, — четверку.

А почему не пять?

Виктория Яковлевна смутилась. У него все-таки были две грамматические ошибки. — Но сейчас, — добавляет она, — я бы ему обязательно поставила пятьку!

— А как же две ошибки?

— Я бы их сейчас не заметила, — смеется учительница. — Я бы его сейчас просто расцеловала, нашего Толю! К. ГРИГОРЬЕВ
(Наш корресп.)

ТУРБОВ

ОНИ — НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

без запасов пищи. Они были вынуждены съесть свою гармошку, свои кожаные сапоги, но в постигшей их беде неизменно сохраняли человечность. Брались преданно друг другу.

— А почему же они не танцуют жребий? — спросил мой десятилетний сын.

— Какой жребий? Для чего?

— Да ты, папа, верю, забыл песенку, которую учат во всех школах: «Был на свете маленький корабль...» Равно ты не знаешь, что люди, потерявшие кораблекрушение, всегда танцуют жребий, чтобы решить, кого придется съесть?

— Нет, сынок, на сей раз все было по-другому...

Все французские газеты небывалым торжеством рассказывают об этом невероятном подвиге наших дней 49 суток в открытом море! Эти юноши — настоящие герои! Мы внимательно вглядываемся в их исхудавшие лица: радостно блещат их глаза, глаза очень молодых и очень счастливых людей.

Во время войны я не раз сталкивался лицом к лицу со смертью в гитлеровском лагере. Я испытал голод, жажду, нечеловеческие муки. И вот в глазах четырех юно-

шей, чьи лица мы видели на экране телевизора, я распознал огонь, который всегда горит во взгляде тех, кто возвращается из ада.

«Как они смогли выдержать все это?» — спрашивают многие. И я отвечаю: «Они выстояли потому, что это — настоящие люди». Я сказал то, что думаю. Я говорю это потому, что я знаю Советский Союз и его обитателей, я знаю советскую молодежь. И я повторяю: — Они выстояли потому, что они — настоящие люди.

И еще одно. То, что американские моряки спасли советских матросов, — не случайность.

Солдатство моряков существует издавна, можно сказать, что она стара, как мир. Но тут морская трагедия заперла нас в объятиях духа Кемпа Дэвида. И это событие выходит за рамки простого символа: это величайший стимул, редчайшая надежда!

В далеком прошлом отошли времена, когда люди попирали в беду, танцуют жребий, чтобы... Уходят в прошлое и времена «холодной войны». Занимается заря будущего! ПАРИЖ, 21 марта. (По телефону)

Вчера Александр Твардовский прочитал на заседании секретариата правления Союза писателей СССР последние, завершающие главы поэмы «За далью — даль».

В обсуждении поэмы приняли участие: К. Федин, Г. Марков, С. Маршак, А. Сурков, М. Исаковский, А. Лунач, Л. Новиченко, А. Салынский, С. Шупичев, К. Воронков, В. Озеров, Н. Лесочевская, А. Демьянцев, Я. Смеляков, И. Черну-

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Секретариат правления Союза писателей СССР обсудил вопрос о созыве очередного пленума правления Союза писателей СССР.

Пленум правления решено созвать 12 апреля с. г. и посвятить его вопросам драматургии, кино и телевидения.

Выступавшие дали высокую оценку поэме, считая, что последние главы труда поэта над его талантливейшей поэмой значительней среди произведений, созданных в последние годы советскими поэтами, произведением, страстно откликающимся на наиболее животрепещущие темы нашего неповторимого времени.

В обсуждении поэмы приняли участие: К. Федин, Г. Марков, С. Маршак, А. Сурков, М. Исаковский, А. Лунач, Л. Новиченко, А. Салынский, С. Шупичев, К. Воронков, В. Озеров, Н. Лесочевская, А. Демьянцев, Я. Смеляков, И. Черну-

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Это деловые письма. Сам по себе они — уже поступки.

Рабочий Николай Слизкин хочет с помощью прессы найти и пригласить в гости известного пареня-космонавта, спасшего жизнь его соседке. Это очень важно для него и жильцов дома № 4 по Лосевской улице, от имени которых он пишет. За его непростительным рассказом видишь не только пареня, просто и без лишней разговорности выслушавшего свой человеческий долг, но соседку женщину, попавшую в беду. Вроде бы случайно сведения в месте общей прописки, они в трудную минуту проявили себя как коллектив хороших советских людей. В письме — и радость от встречи с настоящим человеком, и упрек по адресу тех, кто равнодушно промолчал мимо.

Цель письма Леонида К... — отстоять перед Академией наук свое право стать первым космонавтом. Его аргументы просты и убедительны: он молот, но не мальчишка. Он все обдумал. Это его право и даже обязанность.

Поразительно, что мысленный разговор с погибшим на фронте отцом звучит как аргумент делового письма.

Отца вместе с прославленными героями живет в сердце сына. Вот реальное бесмертие благородных дел.

Полковник Леонид Зайцев представляет опытного хирурга своей левой рукой, с тем чтобы он пересаживал герою Сталинграда, ослепшему на войне. Зайцев знает, что для такой операции требуется согласие не только врачей, но и того человека, которому он хочет подарить зрение. Но его решимость непреклонна.

От влюбленных Зайцев пишет необычными торжественными словами. Замечательно то, что он выступает от имени всего своего гражданского народа. Он как бы подчеркивает естественность своего решения, потому что дружба народов стала его. Зайцева, неотъемлемым чувством в письме звучат и восхищение защитником Сталинграда, но шадившим себя в борьбе, и глубокое человеческое сострадание.

«Тонкая нить струны», о которой пишет Зайцев, это совесть. Чувство связи с другими людьми, с обществом, народом, человечеством. Это чувство, без которого нет ни подлинного счастья,

ни настоящей любви. Оно полностью соответствует действительному положению вещей: человек без других людей — ничто не значит.

Мы строим общество, в котором человечество, благородство, жизнь по совести все больше становятся нормой.

Валентин БЕРЕСТОВ

РЕШАЙТЕ СМЕЛЕЕ!

Итак, Вы знаете, кто я, так как я получил сообщение, что мое письмо (седьмое по счету), адресованное на имя Председателя Совета Министров СССР, было направлено Вам в Академию наук СССР.

Может, у Вас после чтения письма возникнет ряд вопросов. Дескать, что ему надо? Может, славы? Нет. И мысли об этом не было. Пусть знают об этом только те, кому это положено. Или, может, решил нахмуришь? Любитель сенсаций, а косматская дела, так струсил? Нет. И еще раз нет!

Поверьте, от чистой души: прежде чем ввязаться за перо еще в первый раз, много-много обдумал.

Я родился в деревне. Сейчас я — студент. Самый обычный. Каких много.

Мне Советская власть дала все права, в том числе и право стать первым космонавтом. За эти права умирали в бою наши отцы, братья, матери и сестры. Разве не хотели жить Талалихин, Гастелло, Матросов, Кошевой или Космодемьянская, мой отец или многие другие?

Что я, лучше их? Нисколько.

Отец бы сказал мне: «Иди, сынок, раз ты решил. Я одобряю и поддерживаю тебя».

Оставим патетику. Скажите, Вы верите в нашу науку? Я тоже верю.

Вы верите, что скоро человек покинет космическое пространство и станет хозяином других планет?

Я тоже, как в то, что ночь сменится днем или зима летом.

Любая дорога начинается с первого шага.

Важно сделать начало. И смелее, я говорю, и все будет хорошо. Верьте.

Спросите: ну, а если... Мне ничего не надо. Я родился в России, в стране великого Ленина.

Мне имею право оставаться в стороне. Добровольно, много продавая «взят» и «протиски», иду на это. Никто не будет повелевать, если и случится вот это: «ну, а если...» Вся ответственность беру на себя.

Ведь кому-то надо быть первым. Так почему на мне? Я не мальчик. 24 года. Отдаю себе ясный отчет, на что иду. И ни один Ваш аргумент против не удовлетворит меня.

...Решайте смелее!

Л. К.—кий, студент

От редакции: Прежде чем печатать эти строки, редакция позвонила в тот город, где в студенческом общежитии живет автор письма. Ему не охалось дома. Мы попросили его товарищей передать: «Кому нашу просьбу дать разрешение на публикацию письма. Вскоре мы получим телеграмму (текст ее приводим ниже), вынужденную нас скрыть фамилию автора».

Письмо полковнику Реутскому

Прочитав статью С. Глуховского в «Литературной газете» «Дело, которому он служит», я был тронут до тонкой нити струны. Как жаль, что полковник Дмитрий Александрович Реутский, защитник Сталинграда и всей матушки-России, в данный период времени не может лицезреть ту атмосферу, которая его окружает...

Мое предложение: если он (Реутский) согласен и опытные хирурги СССР, то я ему как одному из патриотов моей любимой многонациональной Родины даю т. а. мой один глаз, чтоб ему перенесли руку с моего тела мой левый глаз. Даю не из-за денег или куши золота, а добровольно.

К нему один из сынов чужацкого народа Леонид Федорович ЗАЙЦЕВ, плотник

Гор. Жданов (порт), ул. Вольская Сидява, 189-1

От редакции: Очерк, на который ссылается Л. Зайцев, был опубликован в «Литературной газете» 23 февраля нынешнего года. В нем шла речь о защитнике Сталинграда — полковнике Д. Реутском.

Л. Зайцев

ОТВЕТ Л. К.—ОМУ ОТ МЕЖДУВЕДОМСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО МЕЖПЛАНЕТНЫМ СООБЩЕНИЯМ ПРИ АСТРОНОМИЧЕСКОМ СОВЕТЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Межведомственная комиссия по межпланетным сообщениям благодарит Вас за искреннее желание содействовать успехам в области космических полетов.

Высете с тем сообщаем, что Ваша просьба о приватизации Вас к полетам в космической ракете в настоящее время не может быть удовлетворена, поскольку еще недостаточно изучено влияние на живой организм различных физических факторов (космических лучей, непереносимости, перегрузки) и также не решена окончательно проблема безопасного возвращения экипажа космической ракеты на Землю.

Следует иметь в виду, что при большом числе желающих совершить полет в ракете предпочтительнее при отборе кандидатов будет отандо специалистам соответствующих отраслей знания, непосредственно работающим над изучением условий космического полета.

Ученый секретарь Межведомственной комиссии по межпланетным сообщениям

ИМЕНИ ЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ

Живущий в нашем доме Марии Зимовой вдруг стало плохо. Пока ее сестра вызвала по телефону неотложную помощь, Мария потеряла сознание. Тогда Олег Покривен — слесарь завода «Серп и молот» и другие соседи вывели ее в Ярославское шоссе, чтобы остановить машину-ambulans и отвезти Зимову в больницу.

Одна, другая, третья машина проносились мимо. Были среди них и легковые, принадлежавшие гражданам. Кроме самого владельца, в них никого не было. Но и они не останавливались. Увидев взволнованных людей, махавших руками, остановил свой грузовик молодой парень.

— В чем дело?

— Женщина умирает, помогите отвезти в больницу.

Ничего больше не спрашивая, парень побежал в дом, взял Зимову на руки и поудобнее положил в кабину. Вскоре машина остановилась у Лосевской больницы.

Парень почти бегом отнес на второй этаж в кабинет неотложной помощи. Врачи сказали, что если бы было упущено еще несколько минут, жизнь Зимовой было бы трудно спасти.

Сейчас Мария здорова, снова работает. Но ни она, ни ее близкие, ни мы — соседи по дому — не знаем, кто этот славный парень, спасший жизнь Зимовой.

Когда мы, проживающие ее в больнице, вышли от врача, грузовик уже уехал, номера его мы не запомнили. Мы не знаем, в Ярославскую или Орловскую область ушла машина. Мы просим газету напечатать наше письмо, чтобы через нее сказать: дорогой и близкий нам товарищ, мы хотим вас увидеть у себя, чтобы поблагодарить за спасение жизни человека.

По поручению жильцов дома № 4 по Лосевской улице поселка Лось Московской области

Ответ полковника Реутского Леониду Зайцеву

Дорогой Леонид Федорович! Я получаю много писем от незнакомых людей и все больше и больше убеждаюсь в том, как много у нас замечательных честных и благородных, горячих и искренних людей, таких мужественных, как четверо наших солдат, удививших своим героизмом весь мир, таких чутких и отзывчивых, как вы, дорогой Леонид Федорович.

Да, действительно, мне очень горько оставаться слепым. И все-таки всем своим существом ощущаю падающие на нас великие победы в строительстве коммунизма.

Меня очень волновало, до глубины сердца тронуло все благородное предложение. Но, называя меня, я вынужден категорически отказаться от него, потому что строить свое благополучие на несчастье другого человека недопустимо в нашем самом гуманном обществе.

Большое вам спасибо, дорогой Леонид Федорович. Я понимаю и горячо ценю вашу дружбу, ваш благородный порыв.

С искренним уважением ваш Д. РЕУТСКИЙ

РАЗВЕДКА ИДЕТ К ГЛАВНОМУ

МЫ ЛЕТИМ в Сангар под гниганской голубой аркой северного синица. Все небесные светила померкли. Из кабины самолета видна толстая рубиновая звездочка на кромке левого крыла, справа мерцает зеленая, а внизу — беспредельная белая равнина, скованная сорокаградусным морозом.

От Якутска до Сангара по прямой — триста с лишним километров, и так как мы следуем строго по курсу, продолжением напрямик над озерами и болотами, то через час десять минут самолет опускается на снежную тропу между двумя пунктирами аэродромных огней.

Здесь кончается первый этап воздушного пути, соединившего столицу Якутии с Усть-Вильюйским отрядом нефтегазового освоения. Утром пилот «малолетяжки» конструктора Николаева принял в свою крохотную кабину трех пассажиров и доставил через полчаса в поселок Промышленный на берегу Вилюя.

В якутском штабе геологов я видел карту, на которой отмечены все маршруты разведки. Давно пришли они сюда, в край вечной мерзлоты. Пятнадцать лет копали шурфы, бурили мелкие и глубокие скважины, мерзлы в палатках, пробивались на тракторах через снежные заносы, строили «зимники» и «лежневки», чтобы доставить к вышкам тяжелое оборудование. Этот самоотверженный труд увенчался успехом лишь в 1958 году, когда разведчики поднялись почти к Полярному кругу, в безлюдные верховские места, и устье реки Вилюй. Из глубокой скважины в Таас-Тумусе забил мощный газовый фонтан.

На просторах Якутии найдены уголь, железная руда, золото, алмазы, олово, слюда. Теперь к этим сокровищам добавился газ. Геологи хорошо знают: там, где есть газ, часто хранится и нефть. Поиски продолжают, разведчики идут дальше на север, и как раз в тот день, когда я прилетел в Промышленный, буровая бригада Бахрама Давлярова обрела в Соко-Хая, — сказал мастер — за нефтью...

На острове Соко-Хая, в устье Вилюя, начнется новая разведка. Если и там, как в Таас-Тумусе, вырвется из скважины газовый фонтан... что же геологи не будут в обиде на разведчиков. Тем более, что заодно с газом здесь получают в виде «бесплатного приложения» изрядную порцию конденсата — почти столько же бензина. Газ-то в недрах земли происходит замечательный процесс превращения газа в жидкое горючее для двигателя.

Отряд разведчиков уходит в Соко-Хая.

Транспортный обоз остановился возле вышки, и откуда-то донесся перестук авиационного мотора. Через минуту на дорогу опустился вертолет. Длинные тонкие лопасти винта все еще вращались над кабиной, когда открылась дверь и на дорогу свалились два ящика с запасными частями для бригады Давлярова. Дверца тут же захлопнулась, громче застрекотал мотор, воздушное такси вспорхнуло и отправилось в обратный рейс.

Появление вертолета на берегу Вилюя не привлекло особого внимания, только ребята, выбежав из школы, шумно приветствовали его. Грузовики и тракторы обоим движущимся по дороге, который на несколько минут воспользовался и воздушный транспорт...

Мороз и снег «открыли шлагбаум» в тех местах, где летом простораются непроходимые болота и бесчисленные озера. Только там, где летящий речные протоки, можно до первых морозов перебрасывать тяжелый груз.

И нетрудно представить себе, что испытала разведчики Таас-Тумусе, отрезанные осенним бездорожьем от ближайших селений, когда здесь, в тасовой глуши, нужно было обуздать, сравнявшийся на волно газовой фонтан. Полтора года бурили скважину, пробили в глубь земных недр, открыли впервые в Якутии, на севере, газ — тут же, не успев порадоваться, оказался перед лицом тяжелой катастрофы.

Случилась беда. Сквозняк гигантским давлением земных напластований, газ прорвался через тяжелый заслон из глинистого раствора, заливающего снизу доверху всю скважину. Не успели поставить наверху, над устьем скважины, стальную арматуру, не успели притормозить и основную набленную на газства, как оно уже ускользнуло из рук. Грохотал фонтан, выбрасывая с огромной силой сотни тысяч кубометров газа, смешанного с грунтовой водой. День и ночь, не затихая ни на секунду, бешувал этот грозный смерч, срывая оборудование вышки, разбрасывая далеко во все стороны обломки стальных конструкций.

Живущий в нашем доме Марии Зимовой вдруг стало плохо. Пока ее сестра вызвала по телефону неотложную помощь, Мария потеряла сознание. Тогда Олег Покривен — слесарь завода «Серп и молот» и другие соседи вывели ее в Ярославское шоссе, чтобы остановить машину-ambulans и отвезти Зимову в больницу.

Одна, другая, третья машина проносились мимо. Были среди них и легковые, принадлежавшие гражданам. Кроме самого владельца, в них никого не было. Но и они не останавливались. Увидев взволнованных людей, махавших руками, остановил свой грузовик молодой парень.

— В чем дело?

— Женщина умирает, помогите отвезти в больницу.

Ничего больше не спрашивая, парень побежал в дом, взял Зимову на руки и поудобнее положил в кабину. Вскоре машина остановилась у Лосевской больницы.

Парень почти бегом отнес на второй этаж в кабинет неотложной помощи. Врачи сказали, что если бы было упущено еще несколько минут, жизнь Зимовой было бы трудно спасти.

Сейчас Мария здорова, снова работает. Но ни она, ни ее близкие, ни мы — соседи по дому — не знаем, кто этот славный парень, спасший жизнь Зимовой.

Когда мы, проживающие ее в больнице, вышли от врача, грузовик уже уехал, номера его мы не запомнили. Мы не знаем, в Ярославскую или Орловскую область ушла машина. Мы просим газету напечатать наше письмо, чтобы через нее сказать: дорогой и близкий нам товарищ, мы хотим вас увидеть у себя, чтобы поблагодарить за спасение жизни человека.

По поручению жильцов дома № 4 по Лосевской улице поселка Лось Московской области

Николай СЛИЗКИН, рабочий Матросов

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

КАК ХОРОШО!

Пробягают почка, готовая к цветению, объявляя пришествие новых начал.

Это месяц весны, пора возрождения, это месяц рождения Ильича.

Все цветет, вместе с ним обновляясь в апреле. Даже песни по-новому люди поют.

Рожь, леса новостроек, лучи на панелях — Все встречают его и его узнают.

Это имя — огромный весны провозвестник. Тихо цветенная, шум бурь и птцы полет, Сильный голос труда, — колыбельная песня — В этом имени, великом, бессмертном, живет.

Я иду для него небывалый эпитет, Небывалое слово иду я в веках.

Ленин — жизнь. Только с нею его вы сравните, И она только так же, как она, велика...

Я плыву в океане, и землю большую — Порт Коммуны я вижу... Встаю от вдали. И на свежем ветру своим сердцем машу я — Самым верным входным документом земля. Со своею мечтой этим месяцем юным цветущим полянам я брожу по весне...

Хорошо вместе с Лениным встретить Коммуны, О которой сегодня мечтается мне!

Перевел с молдавского А. РОМОВ

САМОЕ ПАМЯТНОЕ СОБЫТИЕ

Эта женщина живет сейчас в Ленинграде. Ее зовут Надежда Митрофановна Никитрофанова.

В биографии нет, на первый взгляд, ничего необычного. Более полвека она работала стенографисткой, и почти полвека этого срока — в редакции газеты «Ленинградская правда».

И все же какая интересная большая судьба. Сколько событий, впечатлений, встреч! Еще будучи слушательницей Бестужевских курсов, Надежда Митрофановна научилась стенографировать — только для того, чтобы иметь возможность точной и полной записывать лекции. Но в то время стенографические знания были редкостью, а случаи как раз привлекли курсистку в телеграфное агентство, набравшее стенографисток для работы на заседаниях Государственного Дума. Надежда Митрофановна стала думской стенографисткой и вплоть до сумой революцией обслуживала Думу и Государственный совет. Связи с курсами она не теряла, и как-то ей там ознакомились с предложением застенегрфировать нелегальные совещания социал-демократов. Девушка согласилась...

После февральской революции Надежда Митрофановна пришлось работать очень много — она стенографировала речи на десятках митингов и собраний.

— Но самое памятное для меня событие, — говорит она, — работа на заседаниях I Всероссийского съезда Советов, где мне довелось записать исторические слова Владимира Ильича Ленина. Работали мы, помню, по так называемой парламентской системе, сменялись через каждые пять минут. Я стенографировала выступление лидера меньшевиков Черетели. По всем правилам ораторского искусства он доказывал, что в настоящий момент в России нет такой политической партии, которая выражала бы готовность взять власть целиком на себя. В большом зале кадетского корпуса, где происходил съезд, было тихо. И вдруг раздались ясные, твердые слова: — Есть такая партия! Я тотчас записала в своей тетрадке: «Голос с места: — Есть такая партия». Зал гудел, кругом шептали: «Ленин... Ленин...». И я тут же исправила запись: «Ленин (с места): — Есть такая партия».

Потом я стенографировала часть выступления Владимира Ильича, а в перерыве мне даже удалось поговорить с думской стенографисткой и вплоть до сумой революцией обслуживала Думу и Государственный совет. Связи с курсами она не теряла, и как-то ей там ознакомились с предложением застенегрфировать нелегальные совещания социал-демократов. Девушка согласилась...

После февральской революции Надежда Митрофановна пришлось работать очень много — она стенографировала речи на десятках митингов и собраний.

— Но самое памятное для меня событие, — говорит она, — работа на заседаниях I Всероссийского съезда Советов, где мне довелось записать исторические слова Владимира Ильича Ленина. Работали мы, помню, по так называемой парламентской системе, сменялись через каждые пять минут. Я стенографировала выступление лидера меньшевиков Черетели. По всем правилам ораторского искусства он доказывал, что в настоящий момент в России нет такой политической партии, которая выражала бы готовность взять власть целиком на себя. В большом зале кадетского корпуса, где происходил съезд, было тихо. И вдруг раздались ясные, твердые слова: — Есть такая партия! Я тотчас записала в своей тетрадке: «Голос с места: — Есть такая партия». Зал гудел, кругом шептали: «Ленин... Ленин...». И я тут же исправила запись: «Ленин (с места): — Есть такая партия».

Потом я стенографировала часть выступления Владимира Ильича, а в перерыве мне даже удалось поговорить с думской стенографисткой и вплоть до сумой революцией обслуживала Думу и Государственный совет. Связи с курсами она не теряла, и как-то ей там ознакомились с предложением застенегрфировать нелегальные совещания социал-демократов. Девушка согласилась...

На этой фотографии изображены участники одного из мероприятий, посвященных 90-летию со дня рождения В. И. Ленина.

ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В этом маленьком поселке и его окрестностях все связано с именем великого поэта. Величественная и легкая башня Святогорского монастыря, в стенах которого родился замысел «Бориса Годунова», возносится над холмом. У подножия башни, на площадке, открытой всем ветрам, — могила поэта. В нескольких километрах, в селе Михайловском, его дом, а чуть в стороне — Тригорское, и прекрасный парк, и скамья Онегина над обрывом.

В этих краях живут люди, для которых Пушкин — не только великий поэт, но и земляк, люди, которых связывает с ним нечто более важное, чем просто читательская любовь и преклонение.

И конференция читателей, проведенная здесь «Литературной газетой», носила поэтому тоже несколько особый характер. Конференция состоялась в зале кинотеатра имени А. С. Пушкина.

На расширенном заседании секретариата правления Союза писателей СССР совместно с Ученым советом Института мировой литературы имени А. М. Горького обсуждался журнал «Вопросы литературы». С сообщением о работе журнала выступил главный редактор В. Озеров. В обсуждении приняли участие Д. Благой, Г. Ломидзе, Т. Мотылева, В. Пискунов, Соловьев, С. Шугут, Г. Броман, И. Гринберг, С. Маханов, Л. Новиченко, Н. Грибачев.

Большинство выступивших отмечало, что за последний год журнал улучшил свою работу. Борьба за главную линию развития советской литературы, за связь с современностью стала в центре внимания журналистов. «Вопросы литературы» оперативно печатают статьи, посвященные актуальным проблемам современной литературы. В активе журнала — ряд интересных выступлений по истории русской литературы, на высоком уровне ведутся теоретические дискуссии и зарубежные литературные обзоры.

Журнал вызывает доверие к себе, и той линии, которую он проводит. В свете

Обсуждаются «Вопросы литературы»

Вопросы литературы — замечательный журнал районной газеты «Ленинский путь» М. Ильин, инструктор районной партии А. Морозов, директор Пушкинского заповедника С. Гейченко, сотрудник заповедника В. Бозырев.

В заключение состоялась литературная часть, в которой с чтением своих стихов выступили поэты Юрий Левитанский и Булат Окуджава.

В заключение состоялась литературная часть, в которой с чтением своих стихов выступили поэты Юрий Левитанский и Булат Окуджава.

В заключение состоялась литературная часть, в которой с чтением своих стихов выступили поэты Юрий Левитанский и Булат Окуджава.

В заключение состоялась литературная часть, в которой с чтением своих стихов выступили поэты Юрий Левитанский и Булат Окуджава.

В заключение состоялась литературная часть, в которой с чтением своих стихов выступили поэты Юрий Левитанский и Булат Окуджава.

Я — ЗА «ПОДНЯТУЮ ЦЕЛИНУ»!

Закончена книга, начатая Михаилом Шолоховым почти тридцать лет назад, ставшая любимым произведением нескольких поколений.

Его зачитывались наши отцы, для которых Давыдов и Нагульнов были живым напоминанием о собственной молодости, о первых годах революционных преобразований в России. Мы, кому сейчас по 18—20 лет, со школьной скамьи полюбили эту книгу. Полюбили и поверили в ее героев, потому что они — «всамделишные» люди, а не ходячие олицетворения добра и зла. Можно быть, поэтому как-то не вязались школьные «характеристики образов» — сухое перечисление положительных и отрицательных качеств — с нашим представлением о живых, настоящих Давыдове, Нагульнове, Разметнове.

К этому роману Шолохова я не раз буду возвращаться на протяжении всей моей жизни, буду перечитывать его, как перечитываю уже и теперь. Каждый раз я открываю (и буду открывать) новые и новые грани характеров, вижу

не подмеченные раньше черточки у знакомых героев. И всегда, перечитывая страницы exquisite шолоховской прозы, я по-новому, как-то свежо воспринимаю манеру письма Шолохова, его юмор, богатство образов — то есть все, что мы в школе называли «художественными особенностями».

Окажу правду: когда я увидела первоначальный список произведений, выдвинутых на соискание Ленинских премий, у меня, как говорится, «глаза разбежались». Я не сразу решила, какая книга кажется мне наиболее заслуживающей этой высокой награды. Ведь я очень люблю стихи Михаила Светлова и Ярослава Смирнова, северные сказы Бориса Шергина, мне нравятся повести Александра Ремкуча и Юрия Бондарева. И все же, по-моему, не было в этом списке книги, равной «Поднятой целине». Я присоединяю свой голос ко всем тем, кто считает роман Михаила Шолохова наиболее достойным претендентом на Ленинскую премию.

И. ХАН-МАГОМЕДОВА,
работница 1-го часового завода
МОСКВА

ВТОРАЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ РОМАНА

КАК-ТО я узнал, что в Финляндии вышел в свет любимый нами читателями роман А. Ширванзаде «Хаос». И когда в ноябре прошлого года мне довелось побывать в Хельсинки, я принялся искать в книжных магазинах эту книгу.

— Эра стараетесь, не найдете, — сказал мне переводчик романа, — весь тираж разошелся очень быстро. «Хаос», вышедший у нас под заглавием «Город черного золота», был отлично принят финскими читателями и критикой. Великолепный роман!

Мне кажется, что точно так же скажут бы и в других странах: «великолепный роман».

Хаосом А. Ширванзаде назвал общество, в котором любовь, дружба, человечность, справедливость, правды, замины откровенной лжи, фальшивы. Для нас это собственнический мир канул в вечность, но он все еще существует рядом с нами. Знать его необходимо.

Варпан Аджемли давно готовился поставить на сцене «Хаос». И вот его долгие труды и творческие искания дали, наконец, блестящий результат. Роман обрел сценическую жизнь.

Нелегко было создать из романа с множеством героев и эпизодов стройную, цельную пьесу. Но Аджемли это удалось. Здесь тот редкий случай, когда у зрителя не возникает никакого ощущения обделенности большого литературного полотна, перенесенного на сцену. Роман как-то очень компактно, если так можно выразиться, уложился во все-таки ограниченные рамки теат-

рального представления. Все свое внимание автор инсценировки, он же режиссер, сосредоточил на остром, гневном противопоставлении двух жизненных принципов, воплощенных в образах братьев Симбата и Минаела. Первый отступил от своих прежних романтических мечтаний, благородных идей, высоких принципов, второй же вырвался из мира хаоса, безразличности, лжи, кошмарного тумана и, освободившись от всего этого, нашел свое счастье в любви к чистой сущности. Два образа, две судьбы, две дороги.

Лучших исполнителей этих ролей, чем Давид Малаян (Смбат) и Бабек Нерсисян (Минаел), вряд ли можно было найти. Мрачен, трезв, настойчив в достижении своих целей, подчинивший себя одной лишь алчной мысли Смбат — Малаян. Горяч, вспыльчив, искренен, сохраняющий в своем сердце чистый уголок Минаел — Нерсисян. И зритель возмущается щедрыми аплодисментами их умную, проникновенную игру.

Не будь физической усталости исполнителей этого монументального представления, «Хаос» можно было бы показывать ежедневно: в администрации театра завком на три месяца вперед — от заводов и колхозов, от различных учреждений и частных лиц. Такое случается только тогда, когда перед нами явление подлинного большого искусства. А «Хаос» в Театре имени Сундукяна и есть высокое искусство.

Равля ОВАНЕСЯН, поэт

ЕРЕВАН

Он жив, Джабарлы!

Театральный сезон в Баку теперь почти немислим без пьес Джабарлы. И не только в Баку любят его пьесы. Они идут во многих театрах наших братских республик, идут с успехом, хотя со времени их написания прошло не меньше четверти века.

Жизнь основоположника азербайджанской советской драматургии оборвалась, когда ему не было и 35 лет. Но эти 35 лет стоили имми семидесяти.

Люди, у которых сегодня пробивается первая седина, помнят, каким событием становилась каждая пьеса Джабарлы. Когда велась борьба за раскрепощение азербайджанской женщины, Дж. Джабарлы создал пьесу «Севиль», героиня которой сбрасывает чадру. Сила поэтической мысли была такова, что многие женщины тут же, в театре, следя за примером Севиль, освобождались от «движущейся тени» — черного покрывала. Народы Советского Союза строят новую жизнь великой дружной семьей. — Джабарлы выступил с монументальной историко-революционной драмой «В 1905 году», прозвучавшей гимном дружбы и братства азербайджанцев и армян, которые в самые тяжелые годы царской реакции плечом к плечу с русским пролетариатом штурмовали власть помещиков и буржуазии.

ЭТО дано не каждому. Зоркий художнический глаз, смеелость и острота гражданской мысли, яркая сценичность — вот что важно для творца Джабарлы.

Вся наша республика широко отмечает 60-летие со дня рождения замечательного драматурга. И хотя его уже нет среди нас, — он жив: в пьесах, которые сегодня идут на сценах профессиональных и народных театров, в традициях его драматургии, на которых воспитывались и воспитываются поколения артистов и драматургов Азербайджана. Многие крупные мастера современной драматургии и драматургии с большой благодарностью вспоминают его имя, ставшее синонимом вдохновенности в нашу социалистическую новь. Это — лучший памятник Джафару Джабарлы.

Мехти ГУСЕИН

БАКУ

Значительные и масштабные пьесы «Адам» и «Яшар», герои которых — акация жизни, служившие высшими образцами для молодых поколений строителей коммунистического общества. Герои эти живы в самом широком смысле этого слова: сотни отцов и матерей назвали своих детей именами героев Джабарлы: Яшар, Сомаз, Эльхан, Севиль — именами, которые были придуманы драматургом и вошли в жизнь народа вместе с героями.

Силой своего таланта, кистью смелой и самобытной Джабарлы создавал образы, ставшие в большинстве своем нарицательными.

Дж. Джабарлы умел предельно разноразнообразно в жизни, он ощущал перспективу того, что только начинало зарождаться.

ТОРЖЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

На днях в Азербайджанском драматическом театре имени М. Азизбекова состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения Джафары Джабарлы. Вечер открыл председатель юбилейной комиссии Расаул Раа. О жизни и творчестве Джабарлы рассказал Мамед Арифов, вспоминая о встрече с писателем и о том, как он привнес в искусство новое слово — фильм.

Юбилейные торжества стали праздником многонациональной советской литературы, воплощенном в дружбе и братстве азербайджанцев и армян, которые в самые тяжелые годы царской реакции плечом к плечу с русским пролетариатом штурмовали власть помещиков и буржуазии.

Вечер, посвященный творчеству Джабарлы, состоялся в клубе и домах культуры. На одной из открытых площадок в память о нем был установлен памятник Джабарлы.

БАКУ. (Наш корресп.)

ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ В США

19 марта в Москву после четырехнедельного пребывания в Соединенных Штатах Америки возвратилась делегация советских писателей в составе Степана Ципичева, Леонида Леонова, Мухтара Ауэзова и Олеса Гончара.

На Внуковском аэродроме стояли литераторы встречали секретари правления Союза писателей СССР К. Бороков, Г. Марков, А. Новиченко, А. Салынский.

В Луаре

Воскресным утром на площади Дюфур

ПРОБЛЕМЫ драматургии

НАША драматургия, как и вся наша литература и искусство, родилась и крепла из года в год вместе с Советской страной. И наш театр на всех этапах развития нового социалистического общества был верным помощником партии в борьбе за торжество коммунистических идей, за победу в строительстве социализма.

Сила советской драматургии всегда была не только в новаторстве мысли, содержания и формы, но и в ее оперативности. (К сожалению, некоторые наши критики боится сегодня произносить слова «оперативность», «агитация» и «пропаганда», чтобы не «обидеть» не «принципы», и не сделать «будничным и прозаическим» театральное искусство.)

Мы помним пьесы Горького, Маяковского, Билль-Белоцерковского, пьесы Тренева, Леонова, Ромашова, Афиногенова, Киришона, Вс. Иванова, Погодина, Вишневского, Корнейчука и других. Помним, как на разных этапах жизни Советской страны появлялись драматургические произведения, созвучные эпохе, моменту жизни, помогающие партии и правительству оперативно решать животрепещущие вопросы современности, помогающие художественными образами, художественным словом поднять массы людей на борьбу с контрреволюцией, на борьбу за свершение планов первых пятилеток.

И разве советская драматургия и советский театр не выступили с пьесами и спектаклями буквально в первые же недели Отечественной войны против гитлеровских орды?

Разве мало сделали наш театр и наша драматургия после войны, чтобы залечить душевные раны, нанесенные войной, и поднять народ на восстановление страны?

Но не секрет, что наша драматургия и наш театр за последнее время как-то потеряли вкус, если можно так выразиться, к оперативному вмешательству в жизнь.

Правда, в сезоне 1959 года появилось несколько пьес, горячо и восторженно говоривших о нашей сегодняшней жизни («Стрелуха» А. Софронова, «Кружковая история» А. Арбузова, «Сын века» И. Куприянова и другие). Но этого чрезвычайно мало.

Потери без приобретений

Георгий БЕРЕЗКО

Н А ВСЕХ этапах развития нашей страны изменились не только темы и сюжеты нашей драматургии, но изменилась и основа драматических конфликтов.

Его герой — Мечтатель, выдумщик, романтический фантазер — представлял собой фигуру довольно типичную: повесть была полна для своего времени реальным, драматическим смыслом. И боль об искалеченной душе, о человеке, которому только и осталось, что бесплодное мечтательство, которого «замыли» застреленный и вечный обидчик, владели автором «Белые ночи».

«Белые ночи» — назвала статью о произведении Достоевского Добролюбов. И по неограниченной, прозвучавшей силе слова, которым Достоевский назвал о своих героях, униженных и оскорбленных, затравленных и погубленных, прозвучало «громом лет», прозвучав на долгие ряды поколений. Как о заслуге, Добролюбов писал о том, что Достоевский «вынимает запертый в самой глубине души протест личности против внешнего, насильственного давления и представляет его на наш суд и сочувствие».

Итак, протест личности — протест пассивный, пусть слабый, но протест! — вот что прежде всего было дорого и писателю, и его читателю. В самом деле, Мечтатель Достоевского — это человек с высокими, рыцарскими устремлениями души, а его мечтания — это лишь способ как-то остаться самим собой, сохранить свою личность в окружении жестокого мира. Маленький пеструшечный чиновник, измученный и опустивший свою должность, он в глубине души ищет героический подвиг, возвышенную красоту. В героических видениях его проносятся величественные картины: влятие Казани, сражение при Березине. Ян Гус перед судом прелатов; иногда он шлет жесткого участия, романтического знакомства. Но он неизменно чист в своих мыслях, сердце его открыто лишь добру и познанию. И мне представляется необычным, почему, в силу каких побуждений автор сценария и режиссер фильма решительно предпочел благородному Мечтателю Достоевского совершенно иной образ, Мечтатель из фильма «Белые ночи» — это незадачливый Дон-Жуан, по-

Вопреки правде жизни

Сегодня в нашем обсуждении выступает Георгий МДИВАНИ. Следующее слово будет предоставлено Александру ШТЕЙНУ

Известно, что исторические свершения, происшедшие за сорок два года в нашей стране, равны по своему размаху вековым социальным сдвигам и переменам в истории человечества. И эти изменения происходили не только в экономической жизни нашей страны, но и в сознании людей.

И когда сегодня некоторые критики устанавливают «прокрустово ложе» для нашей драматургии, предлагая для пьес старые, истасканные конфликты, — они становятся весьма близкими помощниками нашего театра и литературы.

И хочу остановиться на статье А. Анастасьева «Драма и современность», напечатанной в «Литературной газете».

У автора статьи вначале все правильно: правильно, что одни люди были более талантливыми, другие — менее талантливыми и что талантливые пиют лучше, чем бездарные. Возможно, что и «в творческих организациях и репертуарных органах все еще будет несправильное представление о существе драмы» и так далее.

В статье А. Анастасьева — много истины. Но не хватает, на наш взгляд, главного: ощущения современности, знания современной жизни, понимания характера современного драматического конфликта.

Обратимся к примерам.

«Можно ли, скажем, написать драму о замечательном почете Валентина Гагановой? — спрашивает Анастасьев и отвечает: — Конечно! Но — по-разному. Может появиться пьеса, где будет рассказано, как молчаливо передаяла работница, видя, что соседняя бригада отстает, решила во имя идейной преданности коммунизму возглавить такую бригаду, хотя это и трудно, и материально невыгодно. Наверное, она не раз подумает о своем ребенке, кто-либо из действующих лиц даже возразит ей. Но героиня совершит свой благородный поступок. Возможна подобная пьеса? Конечно, она должна думать, скоро появится. И она будет, по видимости (?), правдива, ибо примерно так и было на самом деле».

«Однако», — заключает А. Анастасьев, — откровенно ли нам понравилась пьеса самое существо зарождения коммунистической психологии и

зволнует ли она нас, знающих о гагановском движении в жизни? Вряд ли. Она останется лишь сценической иллюстрацией жизненного факта».

А Анастасьев, не зная действительной жизни нашего сегодняшнего человека — рабочего, колхозника, интеллигента, нашего молодого человека конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, предлагает давно истертые рецетты отыскания конфликта. Нет у главного героя врагов — надо их создать! — говорит критик. И, по его мнению, это совсем не трудно: «Валентина Гаганова не встретила на своем пути серьезных препятствий, напротив, она встретила поддержку в Вышнем Волочке и поступком ее признан и провозглашен благодарным примером первым секретарем ЦК партии. (Заметим, не только первым секретарем ЦК партии, но и всем советским народом! — Г. М.) Но ведь есть в нашем обществе явления, глубоко чуждые психологии Гагановой и ее многочисленных последователей. Живут еще корысть, зависть, забота о собственном благополучии как главный стимул в жизни. И если бы драматург свел эти силы в настоящей, острой борьбе, если бы эти силы нашли выражение в живых индивидуальных характерах, — такая пьеса была бы художественным постижением современности и, наверняка, заронила бы в сознание зрителей коммунистические чувства».

А Анастасьев — хочет он этого или не хочет — ругает за искусство созданный атмосферу вместо живой жизни; нет у Гагановой врагов — надо их создать! Значит, ради искусства надо поступиться правдой жизни?

Пример с Гагановой — это не материал для художественного произведения, — так считает Анастасьев. Раз у Гагановой не было врагов, раз ей никто не мешал, — надо придумать таких врагов, надо придумать подлых, всякого рода проходимцев, стяжателей, корыстолюбцев. Так можно принести ей и мужа, который «не желает», чтоб жена меньше зарабатывала!

По Анастасьеву выходит, что современный герой, герой коммунистического общества не может стать прообразом героя художественного произведения, если его не ввести в атмосфе-

ру жесточайших столкновений со своими врагами. Он так и говорит: «Если же противник не угрожает ему ничем, если герой спокойно и гладко идет к победному финалу, то такой человек в драме не может быть положительным героем».

А Анастасьев своими рассуждениями вообще закрывает современному положительному герою дорогу в художественное произведение. Он же сам признает, что у нас никто не мешал Гагановой поступку Валентины Гагановой.

Мы знаем, что никто не мешал совершить героический поступок Мамаю и его бригаде; никто не мешал Ярославу Чинку перешагнуть через все существующие нормы, чтобы добиться грандиозного успеха; никто не мешал нашим ученым первыми вывести на орбиту новую планету Солнечной системы и даже заснять Луну с обратной ее стороны.

Эти примеры можно продолжать до бесконечности. Но, спрашивается, почему А. Анастасьев и люди, разделяющие его взгляды, закрывают светлый герою нашей действительности дорогу в художественное произведение? А если и разрешают им быть прототипами героев пьес, повестей и стихов, то лишь в окружении свиты завистников, себоялюбцев, стяжателей.

Своими рецеттами по теории драматургии Анастасьев становится опасным советчиком для наших драматургов.

Да, не может быть драмы без конфликта, — в этом прав А. Анастасьев. И это азбука. Но где и в чем искать сегодня конфликт? В каких явлениях? И похожи ли эти конфликты на вчерашние? Не там ли надо искать острые конфликты для драмы, где, как Анастасьеву кажется, все спокойно и тихо-мирно царит бесконфликтность?

РАЗГОВОР о жизни жизни жизни писателями — это не праздный разговор.

Мы много едим по стране, много видим; знакомимся с разными людьми; знакомимся с людьми, горячо влюбленными в свое дело. Да встречаются и нытики, и равнодушные, и бюрократы, и даже жуликов встречаем. Разумеется, в борьбе нашего передового современника с ними возникают конфликты. Но конфликт конфликт рознь, и основные конфликты, (Окончание на 4-й стр.)

тально, как это осталось непонятным. За одну только минуту истинного счастья Мечтатель Достоевского тот отдал все, всю свою неуязвимость, пустую жизнь. Теломатю любимого сердца, на короткий час приблизившегося к нему, сорвала его до конца дней. И так именно в его благородности Настеньке, в ее благоволениях, которыми Мечтатель напугивает эту девушку, раскрывается в повести великое торжество реальной жизни над всеми утешительными миражами.

Экранизация, как и всякий перевод с языка на язык, требует внимания и чуткости к поэтическим особенностям оригинала. И здесь создатели фильма подстергали, вероятно, наибольшее трудности. «Белые ночи» — чрезвычайно своеобразная по художественному письму, может быть, самая лирическая повесть Достоевского. Точно не найду, в действительности, а в некоем призрачном мире живут своей потаенной, ночной жизнью ее герои: одинокий Мечтатель и покинутая женой Настенька. В бледных северных сумерках выходят они из своих углов «в отдаленнейшей части города» и бродят по пустынным набережным, и утешают друг друга, и пручатся, и ищутся при первых же лучах наступающего дня, как, собственно, и полагается в любовных сказках. Весьма скучно даны в повести только самые необходимые бытовые обозначения: мы не знаем, где, в какой кашалерии служит главный герой, почти ничего не узнаем и о человеке, которого любит и жлет Настенька. Вообще все жанристские, будничные хлопоты остаются за пределами рассказа, в дневной жизни героя, которая едва намечена. А «Белые ночи» — лишь четыре коротких, петербургские ночи — полны одной их светлой любовью. Авторам фильма все это показалось, должно быть, недостаточным или неинтересным. И вот на экране появляются и совершенно бытовые эпизоды ссор в театре, с олеванцем, с мытьем головы, и зеропроданная Фекла, служанка в доме Настеньки, фигура, по-видимому, комическая, по замыслу режиссера, и вставная, воняющая-водоливная сцена с поливанием разбито, он залив горькую и перестал браться. Но как это опять-таки далеко от Достоевского, как не выражает повесть, как отрубляет ее — да прости меня авторы фильма! — вульгаризирует. Ведь «Белые ночи» — повесть не о несчастливой любви, а о счастье реального, живого чувства — пораз-

ВСТРЕЧА С НАЧИНАЮЩИМИ ДРАМАТУРГАМИ

Недавно в Московском отделе Союза писателей состоялась встреча драматургов, пьесы которых впервые появились на сцене в минувшем сезоне, со старшими товарищами А. Софроновым, А. Васильевым, Л. Шейниным, А. Заком, И. Кузнецовым, М. Шатровым, М. Львовским.

В своем выступлении А. Софронов поделился с молодыми литераторами своими мыслями о работе над пьесой на современном тему и высказал ряд дружеских советов и пожеланий молодым авторам.

Разговор о правильном, глубоком понимании проблемы современности в драматургии продолжил А. Васильев. Он также говорил и о помощи молодым литераторам со стороны Московского отделения Союза писателей — поездках, творческих командировках с бригадами «Литературной газеты» и т. д.

Л. Шейнин подробно остановился на тех конкретных мероприятиях, которые могут быть проведены сцене драматургии по работ с молодыми авторами.

Проблема «второй пьесы» поставили свое выступление М. Шатров, А. Вейдлер, А. Мишарин. Они справедливо отметили, что если первая пьеса, как правило, страдает недостатками мастерства, но все-таки завоевывает симпатии зрителя непосредственным дыханием жизни, то вторая пьеса уже в значительно большей степени требует мастерства и творческого раздумья.

На встрече выступили также А. Зак, И. Кузнецов, Ю. Шевкуренко.

В заключительном слове Л. Шейнин пожелал успеха молодым драматургам и выразил общее мнение относительно того, что встреча прошла тепло, дружески, творчески и по-деловому.

МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВЫХ

СРЕДИ разнообразных церемоний, организованных в Социальных Штатах по случаю визита канцлера ФРГ Аденауэра, было и торжественное вручение гостю почетного звания доктора права Принстонского университета. Канцлер произнес в связи с этим длинную речь, полную воинственных угроз по адресу Востока, и заверил в своей решимости «не допустить изменения статуса Западного Берлина», то есть повторил все то, что неоднократно по любому поводу говорил в последние месяцы. Единственным отступлением от заранее написанного текста речи была, как отмечают присутствовавшие, следующая проникновенная фраза: «Признаюсь, как почетный доктор, я чувствую близость к Джону Фостеру Даллесу, одному из самых выдающихся среди нас».

бы повергнуть в смелые бонские правые круги. Нет ли в этом намека на то, что западные державы согласятся изменить статус города, ставшего очагом несправедливого беспорядка?

Призывы продолжать политику «с позиции силы» и настоятельные требования сохранить Западный Берлин в его нынешнем виде, то есть в качестве подрывного и разведывательного центра в сердце Германии, раздавались с тех пор не раз. По мере приближения встречи глав правительств бонские милитаристы удвоили усилия. Аденауэр поспешил в Вашингтон, чтобы оказать давление на союзников. Его, несомненно, окрылили меры по оснащению бундесвера новейшим оружием, стремление превратить Западную Германию в ведущую силу НАТО.

16 марта, выступая в Национальном клубе печати в Вашингтоне, Аденауэр отверг идею нормализации положения в Западном Берлине. Он предложил... присоединить ГДР к Западной Германии — не более и не менее! Советские предложения по берлинскому вопросу он беззащитно извратил, изобразив их как намерение «захватить Западный Берлин». Под конец канцлер потребовал проведения «плебисцита» в Западном Берлине для «самоопределения немцев».

Идея проведения плебисцита в Западном Берлине под оккупацией оккупационных штабов не нова. Это все то же стремление любой ценой сохранить очаг напряженности, помешать урегулированию важнейшего вопроса, от которого во многом зависит сохранение мира в Европе. И, конечно, не истерические выкрики Аденауэра определяют обстановку, которая сложит-

— А что вы понимаете под «самоопределением для всех немцев», которого вы так требуете, мистер Аденауэр? — Чтобы я единственно мог определить, что хорошо для всех немцев.

Рисунок худ. Эриха Шнитца из немецкой газеты «Берлинер цейтунг».

ся перед важнейшими встречами руководителей великих держав. Гораздо больше заботит мировое общественное мнение новые тенденции в политике США, Англии и Франции? Сумеют ли они отказаться от устаревшей, мертвой даллесовской концепции в германском вопросе?

Вашингтон пока еще не определил достаточно четко отношения к заявлению Аденауэра в Национальном клубе печати. Представитель государственного департамента по вопросам печати Линкольн Уайт сказал, правда, что «идея канцлера интересна». Некоторые обозреватели считают, однако, что ведомство Гертнера хотело тем самым «отдать гостю дань вежливости». Может быть, ложно понятий вежливостью вызваны и некоторые другие высказывания американских политических деятелей относительно необходимости «жесткой политики» в германском вопросе?

И уже явным желанием использовать визит Аденауэра для обострения напряженности в мире проликативные поджигательские речи сенатора Голдуэра и некоторых других американских конгрессменов.

Поджигательские реакционными кругами США попытки канцлера Аденауэра отравить обстановку в преддверии совещания глав правительств вызывают недовольство на Западе. Агентство Ассошиэтед Пресс пишет: «В осведомленных кругах Лондона плебисцит считают ненужным и провокационным, а также означаящим, что этим заранее исключается вероятность достижения какого-либо нового соглашения о Западном Берлине».

Всем друзьям мира ясно, сколь опасно для спокойствия в Европе, если современное развитие Западной Германии будет идти по тому же пути, что сейчас. Основной расчет реакционных кругов Бонна таков: надо помешать Востоку и Западу найти общий язык в германском вопросе, и тогда можно будет продолжать политику агрессии и реванша.

Эту цель преследуют, в частности, провокационные речи канцлера Аденауэра в Соединенных Штатах Америки.

не наследниками Чехова? Это кощунство! Критикам нужно быть знакомыми не только с тем, кто пишет сегодня. Надо знать и Чехова!

В. Плучка мы знаем как режиссера, работающего в трудном жанре сатиры. Его спектакли в Московском театре сатиры заслуживают похвалы. Но статья его «Поставлено в 1980-м...», помещенная в «Литературной газете» вслед за статьей А. Анастасьева, мне представляется путаной, неверной и ошибочной в своей основе.

«Сегодня самому суровому бюрократу реализма... пишет Плучка, — не придет в голову считать отступлением от нормы спектакль, решенный на условной площадке, насыщенный музыкой, свободно перемежающийся поэзией и прозой, достоверность и фантастикой».

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ФРАНЦИИ

Фронт борьбы за человека

В издательстве «Эдитёр франсе ревию» вышел новый роман известного французского писателя Андре Стиля «Разборка крещи». В книге рассказывается история одной шахтерской семьи. Отец погиб на шахте. Старший сын Альбер тоже шахтер. Для того чтобы больше заработать, он соглашается на самую опасную работу — после того, как выработана лава, выматывает крепление. Каждый день он рискует жизнью. Младший сын — Бернар — испытывает непреодолимое чувство страха перед темнотой, и поэтому он не хочет быть шахтером. Не дожидаясь, когда его призывают в армию, он добровольно уходит в солдаты. Его направляют в Алжир. И здесь им владеет все то же чувство страха. Бернар руководствуется принципом: вступил в армию — выполняй свой долг, если не убьют ты, — убьют тебя. Однако Бернар видел, как был убит его товарищ. Его страшило собственная смерть. Думая, что он мстит за своего друга, Бернар вызывается расстрелять пленных. Шаг за шагом идет он по дороге морального падения. Вскоре он уже принимает участие в пытках.

В газете «Леттр франсез» Андре Вюрисер называет книгу Стиля «романом чести», потому что автор борется за честь и достоинство простого человека, за честь французского солдата.

«Здесь проходит фронт борьбы за человека, — пишет газета «Юманите», — против общества, которое дает его, против общества, эксплуатирующего человеческие слабости как же, как и положительные качества человека. В этом мире трусливый Бернар стал убийцей, а Альбер за гроши продает свою смеливость».

Андре Стиль в своем романе поднимает не только важную проблему будущего Франции, связанную с войной в Алжире, «его мысли гораздо глубже», — говорит Андре Вюрисер, — он размышляет о человеке. Очень тактично, осторожно, с большим уважением относится Стиль к героям своей книги — шахтерам и металлистам. Его герои могут ошибаться, могут заблуждаться, но они достойны называться людьми. Когда Бернар приехал в отпуск, его, мякото говоря, холодно встретили: «Все товарищи, даже мать! Я как будто попал в карантик», — восклицает Бернар в отчаянии. Все в поселке осуждают Бернара, но почти каждый говорил его брату, Альберу: «Надо все-таки попытаться спасти Бернара». Вернувшись в Алжир, Бернар стремится исправиться, старается вновь заслужить уважение своих близких. Он погибает, спасая друзей.

«Андре Стиль пишет о сегодняшнем дне, — заканчивает свою статью Вюрисер. — Благодаря этому он занимает особое место в нашей современной литературе. Он повествует о рабочих, так как считает, что они достойны особого внимания. И действительно, рабочие являются героями нашего времени...»

Жан-Поль Сартр о себе

Недавно корреспондент молодого французского журнала «Кайя либр де ла Женес» обратился к известному французскому писателю Жану-Полу Сартру с просьбой рассказать о своей работе. В этом году во Франции пользовался большим успехом роман Сартра «Заворожены Алготом», прошедший в театре «Ренессанс» более ста раз; отдельное издание пьесы стало одним из бестселлеров на французском книжном рынке.

В беседе с корреспондентом Жан-Поль Сартр сказал: «Я всегда воспринимал литературу как участие в жизни. Если она бежит от жизни то утрачивает всякий интерес. Меня нередко упрекали в том, что я ограничиваюсь «завороженной» литературой. Но если литература не все мы прекрасно знаем, — о невиданном, баснословном движении страны к свету новейшей техники, к славе завоевателей космоса, к самой высокой культуре производства. Вольем область «элитарной» консервативную — область бытового эстетизма, — и посмотрим, как изменились за 40 с лишним лет некоторые наши представления о прекрасном, и так далее».

И как вы думаете, что имеет в виду автор статьи, говоря об изменениях за сорок лет в бытовой эстетике? «Еще вчера узкие брюки и рубашки на выпуск выглядели претенциозным стилем, сегодня — это стиль современной одежды, сделанный старомодными все иные фактуры» (Здорово А? — Г. М.).

Если бы дело было только в рубашках на выпуск! (Было так не носили рубашки в старой деревне!) Это было бы еще полбеды. Но пойдём дальше: «Поставили автоматы с газированной водой на улице Горького, и как они оплелись в урбанизацию современного города, как украсили его главную улицу с ее праздничной одеждой толпы, огнями неоновых реклам, тополино снующими троллейбусами!»

И автор глубокомысленно заключает: «И все это, вместе взятое, должно найти свое отражение в спектакле о наших днях».

Нет, товарищ Плучка! Совсем не это должно найти отражение в спектаклях о наших днях!

На улице Горького мало неоновых реклам, очень мало! И слава богу, что мало! Идетые, красивые, зеленые и розовые неоновые рекламы — это не стиль советского города: такая папачески зазывающая реклама — детская

НА ЭКРАНЕ — Н. С. ХРУЩЕВ

На экранах французских кинотеатров демонстрируется советский фильм «Н. С. Хрущев в Америке». Французы следили за поездкой главы Советского правительства по сообщениям газет, имели возможность прочитать о ней в книге «Жить в мире и дружбе», переведенной на французский язык. С не меньшим интересом отнеслись они и к вышедшему на экран фильму.

«...Этот фильм сразу захватил меня всего без остатка, — пишет Арагон, — я понял: объясняется это тем, что ведь у нас на глазах решается вопрос о мире во всем мире (или о войне)».

В газете «Леттр франсез» Мишель Калденак называет фильм документом, рассказывающим о «событиях, которые намешто решительный поворот к широкому осуществлению... Кадр фильма останется в нашей памяти как след глубокого изменения современной истории».

Через несколько дней, пишет в заключение Калденак, новый маршрут «приведет знаменитого путешественника в нашу страну. Очень важно то, что французские зрители, познакомясь уже с этим необыкновенным человеком, смогут сами не только узнать, что делает нашего будущего гостя таким привлекательным, но также понять смысл и значение проводимой им политики».

«Русский сезон» в Париже

«Астронавтика и дипломатия» привлекли всеобщее внимание к Советскому Союзу, но не будет преувеличением и совсем в другой области, в области театра, говорить о столь же пристальном внимании к «русскому сезону» в Париже. Так начинается статья во французском еженежнике «Франс-ЮРСС», рассказывающая о постановках пьес русских драматургов во Франции. Это, действительно, «русский сезон»: в театре «Эр» идут «Мещане», в театре «Терр» — «Васса Железнова», в «Студио Елисейских полей» — «Дядя Ваня», в театре «Альнис франсез» — «Игроки» Достоевского, в лионском театре «Театр де ля Ситен» — «Мертвые души». Все эти постановки пользуются большим успехом, но особый зитуэзнам зритель вызывает «Мещане» М. Горького.

Парижский журнал «Авансен» опубликовал на своих страницах отзывы зрителей об этом спектакле. Приводим некоторые из них.

Анни Ларош «Браво «Мещане!» Они внесли перемену в бесконечное чтение исторических, которые нам предлагают сейчас парижская сцена.

От Горького не следует ожидать ни скандального, ни легкого успеха. Я желаю долгой жизни «Мещанам», так как они ее действительно заслуживают.

Мадемуазель Ливан: «Эта русская пьеса волнует меня особенно потому, что, несмотря на свое название, она не замыкается в «буржуазной» среде, она выводит нас в свет будущего, нового человека, готового перестроить всю жизнь».

Мы публикуем сегодня сценки из парижских газет и журналов, рассказывающие о «русском сезоне» на французской сцене.

Иллюстрации к «Семье Тибо»

На витринах парижских книжных магазинов появилась новинка, с нетерпением ожидавшаяся читателями, писателями и художниками: первое во Франции иллюстрированное издание романа Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо».

«Фигаро литерар» печатает интервью своего корреспондента с художником Бертольдом Маном, рассказавшим о своей работе над иллюстрациями к роману.

Художнику, хорошо знакомому с творческой лабораторией Роже Мартен дю Гара, поначалу казалось, что выпустить в свет иллюстрированное издание «Семья Тибо» невозможно. Однако потом он настолько увлекся интересной творческой задачей, что отказался от первоначального замысла — иллюстрировать книгу лишь в черно-белых тонах. Читая внимательно «Семью Тибо», замечаешь, говорит Б. Ман, что романист очень точный очень скрупулезный, обладающий

великолепным зрением, часто указывает цвета ландшафтов, предметов, костюмов, описанных в романе. Иллюстрировать раз набрасывает портрет старика, но начал все снова, взяв за основу рисунок Роже.

Мы публикуем сегодня одну из иллюстраций Бертольда Мана к роману «Семья Тибо».

Спрашивается, почему В. Плучка ставит кое-кого из драматургов в неловкое положение? «Я остро ощущаю, как нас, художников, неумолимо опережает время, как нужно нам срочно, без промедления, искать правду выражения мысли и чувства, свойственных людям в сегодняшней жизни», — пишет Плучка.

Но давайте посмотрим, какую правду признает Плучка: «Не случайно такой жадный интерес во всем мире вызывает опыт итальянских неореалистов, не случайно у нас, в Москве, так быстро завоевал симпатии молодой коллектив «Современника», где об этих вопросах думают и ищут ответа на них».

Оказываются, не социалистический реализм, а итальянский неореализм, — вот, по Плучке, ключ к «правде» выражения мысли и чувства, свойственных людям в сегодняшней жизни».

Рынок

Вопреки правде жизни

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

выражающее самое существо сегодняшнего дня, суть нашего исторического движения вперед, куда сложнее. Их надо искать гораздо глубже.

Поэтому надо говорить об открытии новых жизненных конфликтов. А о борьбе с ними, маловерим, бюрократии советские драматурги не забывают и не забудут.

Совсем недавно я был на одном из крупнейших металлургических заводов страны — в Рустави — и продолжительно целого месяца не только находился в цехах завода, но бывал и в семьях рабочих, инженеров: разговаривал с ними, спорил, слушал, о чем они говорят, о чем спорят между собой. В продолжение целого месяца я не слышал о том, чтобы хоть один инженер или рабочий-рационализатор жаловался на то, что его начинания и предложения затирают, что не помогает директор или главный инженер.

Это не значит, конечно, что в этом огромном коллективе нет конфликтов. Но эти конфликты не соответствуют реалиям А. Анастасьева. Писать по этим решеткам пьесу или сценарий о жизни людей металлургического завода Рустави — это значит оскорблять людей, а не воспевать их! Да такие люди просто не допускают той «конфликтной» атмосферы, о которой говорит А. Анастасьев!

Конфликт должен быть подканзан жизнью, а не создан искусственно, как полагает А. Анастасьев. Наша сегодняшняя жизнь рождает новые конфликты. И они не похожи на те известные конфликты, которые переходили из эпохи в эпоху. Они новые, как нов «ТУ-104», как новые фотографии обратной стороны Луны.

В эпоху, которая рождает подвиги, подобные подвигу Гагановой, и конфликты подлинно новые: доселе неведомые и куда более яркие, чем конфликты, выявленные занятием «заботой о собственном благополучии и так далее».

ние зрителей коммунистические чувства, как вы говорите, а не столкновения Гагановой с выдуманными для нее врагами.

И пока человек приходит к этому решению, он должен пройти очень сложный, с точки зрения психологической, путь. Этот процесс совершенно новый, порожденный сегодняшним днем, нашей советской действительностью. Именно в этом процессе и надо искать конфликт для драмы, современный конфликт, который до сих пор и не мог существовать в природе! И, уверяю, дело тут вовсе не в том, что героиня будет колебаться между позицией высокогражданской и эгоистической. Это был бы тоже старый конфликт!

Конечно, если какой-нибудь драматург и работал уже над пьесой на тему о людях гагановского движения, то после статьи А. Анастасьева он поборится показать свое произведение таким строгим «ценителям» искусства. Или же он постарается окружить свою героиню или героя уродливыми характеристиками, завистниками, стяжателями, подхалимами и бюрократами.

СПРАШИВАЕТСЯ, зачем некоторые наши критики так настойчиво гальванизируют в нашем искусстве уродливые явления жизни? Не секрет, что с их легкой руки во многих наших кинофильмах и пьесах мрачное и слезливое доминирует над светлым и жизнеутверждающим. И вместо героев, прообразованных которых являлись бы Гаганова, Мамай, Чиж и многие, многие другие наши патриоты, на сценах и экранах появляются маленькие человечки с их мелкими судачками, мелким счастьем малюющих, очень маленьких людей. И, как ни странно, оправдывая эти явления, ссылаются даже на итальянский неореализм, а на А. П. Чехова и тем самым клеветают на великого писателя. Ведь авторов пьес с ушибленными, дефектными героями объявляют продолжателями традиций Чехова!

Но вот послушаем, что писал Чехов о подобных писателях, я приношу картину из письма А. П. Чехова к Е. Шавровой:

«Ум, хотя бы семинарский, блещит ярче, чем лысина, а Вы лысину заметили и подчеркнули, а ум бросили за борт».

И Антон Павлович продолжал: «У Нова было три сына. Сим, Хам и, кажется, Ареф. Хам заметил только, что отец его пьяница, и совершенно упустил из виду, что Ной генерал, что он построил ковчег и спас мир. Пилинчук не должны подражать Хаму. Наматывайте это себе на ус».

А почему некоторые: наших авторов, которые подражают Хаму, объявляют